

Сунь И Цзя просмотрела каждый рисунок. Цзин Вань ранее, в основном, рисовала растения и цветы, так что, когда Ло Цзин Бо только начинал, он в большинстве своем тоже изображал именно их. Однако, как только он более или менее овладел техникой, он начал рисовать животных, горы и тому подобное. Хотя самих картин было немного, результат выглядел очень неплохо. Животные казались живыми, а горы и скалы — внушительными. Чем больше Сунь И Цзя смотрела, тем больше они ей нравились.

— К сожалению, у меня нет времени, а после замужества это будет уже невозможно. Я бы тоже хотела так научиться.

Глаза Цзин Вань вспыхнули. Если Цзинь циньван сдержит свое обещание, то Цзя цзэцзэ, вероятно, станет старой девой, "катастрофой", которая никак не может выйти замуж. Увидев, что Сунь И Цзя держит один из рисунков ее старшего брата, не в силах наглядеться на него, она внезапно кое о чем подумала. Цзя цзэцзэ раньше все время хотела, чтобы она стала ее дасао, так почему же она, Ло Цзин Вань, не может похитить ее себе в невестки?

Даже если лицо Сунь И Цзя повреждено, в глазах Цзин Вань она все еще редкая хорошая девушка. Быть униженной и втоптанной в грязь только потому, что ее красота разрушена, разве это не несправедливо? Неужели она не может даже сравниться с какой-то там никчемной красавицей-идiotкой? Более того, ее старшего брата, как бы это выразиться, действительно, не очень заботила внешность. Буквально позавчера она даже слышала, что ее старший брат не слишком требователен к жене, просто ему нужна обладательница хорошего характера, а не такая дамочка, что перебудоражит всю семью. И пока это не грубая и вульгарная особа, и не некрасивая до невыносимости, он, по большей части, мог принять практически любую. Если выразиться вежливо, то он великодушный, а если невежливо, то просто толстокожий.

Будь это до того, как Цзя цзэцзэ разрушила свою красоту, она бы об этом не подумала, но если Цзинь циньван аннулирует помолвку, то с браком у нее возникнут трудности. Никто не захочет и даже не посмеет взять ее в главные жены. А что касается ее, принявшей участие в этом "беспорядке с помолвкой", то если ее старший брат женится на ней, то Цзинь циньван, возможно, ничего и не сделает. Тогда все будет намного проще, и выгоды обеих семей из-за того, что Сунь И Цзя не имеет никакой "практической ценности", тоже станут намного более размытым.

Хотя подобные мысли могут казаться немного подлыми или даже попыткой воспользоваться чужой бедой, но это тоже было правдой.

Если хорошенько подумать, то их семья вполне подходила Цзя цзэцзэ. Как бы это сказать, ее отец из тех людей, которые ни о чем не беспокоятся, а мать в душе — доверчивая молодая девушка. Можно сказать, что в этой ветви иньян знают свое место. У Цзя цзэцзэ неплохой характер, а поскольку она выросла в герцогской резиденции Дин и даже воспитывалась в соответствии со стандартами ванфэй, то ее способности, скорее всего, тоже неплохи. Она была более чем способна защитить ее мать во внутренней резиденции семьи Ло. Чем больше она

думала об этом, тем больше чувствовала, что лучшей кандидатки, чем она, не найти.

Тем не менее, даже так, решить этот вопрос все еще очень трудно. Ей нужно подождать, пока Цзинь циньван не избавится от помолвки. До этого она даже не могла сказать об этом бабушке. Конечно, самое главное, ей нужно узнать о желаниях Цзя цзэцзэ.

Как раз в тот момент, когда она думала об этом, вошла служанка и доложила:

— Барышня, вас ищет третий молодой господин.

— Зачем он пришел сюда в такое время? Разве он не знает, что у меня здесь гостя? — Цзин Вань бросила взгляд на Сунь И Цзя и увидела, что та на мгновение растерялась.

— Это твой единокровный старший брат? Почему бы тебе сходить посмотреть? Может, это что-то срочное, — не дожидаясь, пока Цзин Вань заговорит, Сунь И Цзя протянула руку и подтолкнула ее к выходу, выглядя еще более обеспокоенной, чем она, младшая сестра "нарушителя" спокойствия.

Цзин Вань была слегка ошарашена. Может, как раз в тот момент, когда она думала о том, чтобы стать свахой для этой парочки, у этого человечка, действительно, появились такие намерения?

— Ладно, пойду посмотрю. Я скоро вернусь.

— Не надо спешить, я подожду.

Цзин Вань очень хотелось закатить глаза. Выйдя, она увидела Ло Цзин Бо, державшего в обеих руках большой рулон бумаги.

— Третий брат, это для чего?

— Быстро, быстро, быстро, пошли к тебе в кабинет, — Ло Цзин Бо нетерпеливо бросился к кабинету Цзин Вань.

Озадаченная такой поспешностью Цзин Вань последовала за ним.

Кабинет Цзин Вань был просторным, и там даже специально оборудовали место для рисования.

Даже трехметровый рулон бумаги мог быть полностью разложен после разворачивания.

— Сестренка, быстро иди сюда и помоги мне. Я все время чувствую, что что-то не так.

Еще до того, как Цзин Вань вошла, она уже увидела наполовину законченный рисунок "Сотни птиц поклоняются фениксу" [1].

Композиция была просто идеальной, и в целом, внушительной и величественной. Позы птиц не повторялись, а сами они были выписаны довольно тщательно и живо. И про главное действующее лицо, Феникса, можно было сказать, что он, как живой. Что уж говорить о фоне, имевшем довольно-таки фантазийную мечтательную эстетику. Тем не менее, это все еще были просто простые сплошные цвета, но Цзин Вань никогда не думала, что за такой короткий промежуток времени Ло Цзин Бо сможет достичь таких успехов в живописи гунби.

— Сестренка, цвет этого Феникса, я уже несколько раз смешивал, но мне все время кажется, что все неправильно.

— Дай-ка посмотреть, — Цзин Вань подошла поближе.

Основной цвет, который Ло Цзин Бо использовал на Фениксе, был светло-желтым. В будущем эта птица должна стать золотой, но этот цвет относительно трудно освоить. Если он окажется слишком светлым или слишком густым, то представительница мифологических пернатых станет казаться жесткой, как бы заостренней. А если слишком ярким, то безвкусным, не соответствующим величественному облику повелителя всех птиц. Цзин Вань задумалась на мгновение, стоя перед полкой, на которой стояли ее краски, а потом достала несколько цветов и начала их смешивать.

На этот раз она совершенно забыла, что в этом дворе все еще есть гость.

Сунь И Цзя хотя и не возражала немного подождать, но не слишком ли это долго? Меймей Вань, и правда, не обращалась с ней как с посторонней?

Расспросив о местонахождении Цзин Вань и узнав, что третий молодой господин семьи Ло все еще здесь и что они рисуют, Сунь И Цзя на мгновение заколебалась, но, в конце концов, все же вошла в кабинет. Просто, как только она увидела эту картину, а также опущенную голову усердно рисующего человека, сердце Сунь И Цзя неудержимо ускорило. И, видимо, чтобы не беспокоить его, она даже замедлила дыхание, пока по шажочку подходила ближе.

Ло Цзин Бо закончил красить хвостовые перья и, смутно почувствовав кого-то рядом, подумал, что это Цзин Вань:

— Сестренка, что думаешь? — после чего поднял голову, встретился глазами с Сунь И Цзя и замер, а затем извинился: — Приветствую вас, барышня Сунь. Извините, я, действительно, забыл, что вы все еще здесь. Прошу простить меня, что пренебрег вами.

Сунь И Цзя инстинктивно закрыла лицо руками и, слегка покраснев, тихо проговорила:

— Вовсе нет.

— Рана на лице барышни Сунь все еще не зажила, верно? Не используйте столько сил, иначе навредите себе, — эти слова прозвучали очень естественно и были очень чисты. В них не слышалось ни удивления, ни сочувствия, не было даже отвращения.

Услышав это, Цзин Вань подняла голову на них. Слушайте, такому мужчине, действительно, нормально небрежно комментировать травму на лице девушки? Однако, судя по виду Цзя цзэцзэ, он, похоже, не задел ее рану, а скорее задел сердце.

Сунь И Цзя, однако, не опустила руку:

— Разве господин Ло не считает, что это некрасиво? — прямо сейчас она, как ни странно, чувствовала небывалое беспокойство за свое собственное лицо, даже толику раскаяния, о которой раньше она сама даже не подозревала.

— В этом нет ничего уродливого или некрасивого. Повреждение уже существует. Даже если оно уродливо, с этим ничего не поделаешь.

Увидев, что в начавших краснеть глазах Сунь И Цзя появились слезы, Цзин Вань, которая раньше считала, что не так уж и плохо, что ее старший брат просто толстокожий, прямо сейчас захотела жестоко избить его. Вот же дуболом! Тупица, как ты можешь так говорить?

Ло Цзин Бо опустил голову. Он смотрел на свою собственную картину и не видел выражения лица Сунь И Цзя.

— Тем не менее, такого рода вещи вас, девочек, могут очень сильно волновать, но я на самом деле чувствую, что это не так уж и важно. Если у человека злое сердце, то неважно, насколько он красив, никто не полюбит его. Напротив, даже если внешность испорчена, пока само сердце доброе, со временем его все равно искренне любят, даже если другие не сразу примут его.

— Неужели? — переспросила приятно удивленная Сунь И Цзя.

Что ж, похоже, ему удалось выкрутиться, пусть и по счастливой случайности. Она волновалась напрасно.

— Да, — Ло Цзин Бо ответил очень небрежно, но не знал, что он, возможно, уже всколыхнул пруд с родниковой водой. — Сестренка, почему бы тебе не составить компанию барышне Сунь? Я продолжу размышлять об этом сам.

— Не беспокойтесь, вы можете продолжать рисовать, я просто посмотрю. Наблюдать за процессом на самом деле довольно приятно, — Сунь И Цзя поспешно махнула рукой.

Отношение Ло Цзин Бо можно было описать одной фразой: раз вас все устраивает, делайте, что хотите. Сейчас в кабинете, вроде бы, находились не только одинокие мужчина и женщина, не состоящие в браке или отношениях, и он не хотел намеренно избегать этого. Он всегда чувствовал, что в этом нет необходимости. Когда нужно избегать, то и надо держаться подальше, но раз уж они столкнулись друг с другом, то просто стоит вести себя естественно. Он считал себя честным и порядочным человеком, так зачем же так напрягаться?

Вскоре один человек рисовал, один — смешивал краски, и еще один — наблюдал. Это была очень тихая и очень гармоничная сцена.

[1] подробности в главе Исторические заметки: идиомы

<http://tl.rulate.ru/book/19909/941534>